УДК 124.5

ПОСТМОДЕРН: РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И (ИЛИ) ДЕГРАДАЦИЯ КУЛЬТУРЫ?

Лукин Анатолий Николаевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат культурологии, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация
В статье раскрывается особенность постмодернистского дискурса. Рассматриваются некоторые приемы создания постмодернистского произведения. Автор показывает влияние постмодернистских установок на массовое сознание.

Ключевые понятия:
культура постмодернизма, массовое сознание.

Трудно при анализе современного состояния культуры ответить на вопрос: «В какой мере процессы, происходящие в ней, объективны, а что в большей степени зависит от воли элитных слоев общества – политических лидеров, деятелей науки, искусства, всех тех, чье мнение значимо, кто может считаться «властителем дум» своего времени?». В любом случае, даже в марксистской традиции, при ее абсолютизации экономического базиса, не отрицалась роль субъективного фактора. Во многих других философских теориях человеческой воле и вовсе отводится решающая роль в общественной практике (элитизм, ницшеанство и пр.). В этой связи, по нашему мнению, интересно и полезно рассмотреть сущность постмодернизма и его влияние на духовную жизнь общества. Многие представители этого направления претендуют на то, чтобы их называли законодателями культурной моды, создателями современного дискурса – особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связанностью и целостностью и погруженном в жизнь, социокультурные, социально-психологические и др. контексты.

Постмодернизм порой подвергается уничтожающей критике, а иногда высказывается мнение, что только он способен адекватно выразить идею духовного сопротивления тоталитарному мышлению, догматизму во всех его проявлениях, став эстетическим и духовным прорывом за пределы глобалистской «матрицы», препятствием для манипуляции массовым сознанием. Кто-то провозглашает закат постмодернизма, некоторые называют «Белый шум» Дона Делилло (1985) и «Сатанинские стихи» Салмана Рушди (1988) последними великими произведениями эпохи постмодернизма. Тем не менее, новое поколение писателей во всем мире продолжает писать если не новую главу постмодернизма, то что-то, что можно было бы назвать постпостмодернизмом [9, с. 123].

Термин «постмодернизм» используется в разных аспектах, от характеристики направления современного искусства до утверждения его в качестве этапа развития человеческой культуры. Высказывается также мнение о том, что постмодернизм есть не столько общекультурное течение, сколько определенное умонастроение или, как определил Умберто Эко, «духовное состояние» [7]. Но связь между искусством и другими формами общественного сознания очевидна. Постмодернистские установки выходят за пределы литературных, архитектурных, живописных и философских произведений и оказывают все

большее влияние на мораль, массовую культуру, даже политику. Конечно, это влияние не стоит преувеличивать, но и игнорировать его тоже нельзя.

Постмодернизм (фр. postmodernisme) – «широкое культурное течение... Постмодернистское умонастроение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, творчество разума, безграничность человеческих возможностей» [6, с. 668].

Пожалуй, некорректно говорить о том, что современная культура находится на этапе постмодерна, скорее, постмодернизм – это тренд, который имеет место в культуре наряду с другими тенденциями. Да и что конкретно отнести к постмодерну, а что в философских и культурологических исследованиях при его оценке является лишь абсолютизацией постмодернистских установок, доведением их до абсурда в ходе одностороннего анализа этого сложного феномена – тоже спорно. И это требует продолжения научного диалога по данной проблематике.

Жан Франсуа Лиотар, один из видных представителей постмодернизма, в своей работе «Состояние постмодернизма» указал на главное отличие этого дискурса. Оно заключается в отказе от «метанаррации» – диктата со стороны так называемого законодательного Разума, стремящегося взять под тотальный контроль мышление и поведение людей. Именно такой законодательный Разум создал Христианство, другие религии и все известные «измы» (марксизм, маоизм, нацизм, фашизм и т.д.). Так вводится определенное каноническое мышление и соответствующее поведение и, как следствие, нетерпимость к инакомыслию, отступлению от канона, устоев, традиции. Мышление индивида, массовое сознание воспроизводятся во времени по определенным лекалам. Нет свободы выбора жизненных ориентиров, все подчиняется тотальному порядку. Пережитые ужасы Второй мировой войны, по мнению этого французского мыслителя, ставят вопрос о том, как «спасти мышление после Освенцима». Освенцим здесь выступает как собирательный образ, обвиняющий законодательный Разум в превращении человека в пленника тоталитарной системы, в лишении индивида права распоряжаться своей судьбой. Метанаррации, по Лиотару, обосновывают и оправдывают существование определенных социальных институтов и легитимируют определенный способ социального устройства, вплоть до фашистского режима. Выход, по его мнению, в отказе от услуг законодательного Разума и использовании исключительно Разума интерпретативного. Мы можем достичь, согласно постмодернистскому дискурсу, только временного соглашения по конкретному вопросу, но не признаем ни за кем из нас права на единственно верное толкование ситуации. Любое явление, состояние, решение может иметь множество интерпретаций. Спор, несогласие должны стать первичными по отношению к согласию и единомыслию.

Известный постмодернист Ж. Деррида предлагает другой способ разрушения прежнего единомыслия и единообразия. Этот способ он называет деконструкцией. Хотя это понятие ввел еще М. Хайдеггер, теоретическое его обоснование дал именно Ж. Деррида. По его мнению, не может быть единого определения данного термина, так как деконструктивное действие будет зависеть от ситуации, поэтому здесь не может быть предложен алгоритм. Деконструкция производит разборку текста (текстом является любое произведение искусства, описание и оценка события и т.д.) с последующей сборкой. Результат такого преобразования, конечно, не соответствует исходному варианту. Отличительные черты деконструкции – неопределенность, нерешаемость, интерес к маргинальному, локальному, периферийному.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари в совместной работе «Ризома» в противовес классическому понятию «структура» вводят понятие «ризома», которым фиксируют принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности. Изменчивость существования принципиально аструктурной ризомы состоит в непрерывной генерации всё новых версий организации. Однако любая ризома, из этих сиюминутно актуальных и ситуативно значимых вариантов определенности бытия, в принципе не может интерпретироваться в качестве финальной. Среди бесконечно сменяющих друг друга виртуальных структур ни одна не может быть аксиологически оценена и выбрана как наиболее предпочтительная. В постмодернизме нет и не может быть предпочтений.

У Р. Барта, еще одного французского мыслителя, не существует естественного, правильного или единственно возможного не только способа, но и языка, поэтому «все приходится распутывать, но расшифровывать нечего, структуру можно прослеживать, протягивать (как подтягивают спущенную петлю на чулке) во всех ее поворотах и на всех уровнях, однако невозможно достичь

дна; пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит систематическое высвобождение смысла»[1].

Стиль в постмодернизме уступает свое место эклектике, как способу принизить значение, высмеять, поглумиться над устоявшимися нормами и ценностями. За этим, утверждает в своей книге «Конец стиля» Б. Парамонов, «стоит неверие в субстанциональность, взаправдишность, реализм святости, красоты и морали» [5, с. 11]. Ориентация на идеалы, согласно этому дискурсу, делает людей похожими, одинаковыми и несвободными, что должно быть преодолено.

Постмодернизм восстает против всех проявлений догматизма и универсализма. Он отвергает любую систематизацию. Он противник всяких идеалов и отвергает саму возможность отыскания абсолютной истины, общепризнанных норм морали, обоснования значимости сакральных ценностей. Он готов высмеивать все святое, традиционное, универсальное. Он не допускает даже вероятности отыскания метафизических оснований бытия. Новый тренд основывается на плюрализме и толерантности. Все устоявшееся можно переосмыслить, переиграть, интерпретировать по-новому. Новизна, способность привлечь внимание (не понравиться, так шокировать, но оставить-таки след в памяти) – важные критерии этого направления.

Таковы главные, на наш взгляд, идеи постмодернистского дискурса. Мы не будем сейчас воспевать возможности постмодернистской литературы, позволяющей читателю с помощью гипертекста вести диалог со многими авторами одновременно, толкуя и перетолковывая на свой лад произведения искусства, исторические события и высказывания известных людей. Рассмотрим, как это со временем отражается в массовом сознании, когда посаженные в головах интеллигенции зерна нового мышления прорастают и в упрощенном, выхолощенном, а иногда и умело преобразованном виде доходят до масс. Принимая постмодернистский способ организации мышления, мы все-таки попадаем в порочный круг, из которого стремились вырваться. Теперь постмодернистские установки навязывают себя как единственно оправданные. Законодательный Разум восстает как птица феникс из пепла там, где его собирались окончательно умертвить. Меняются только формы подчинения ему общественного сознания. Вместо директив и пропаганды – мода и реклама, вместо ритуалов и церемоний – митинги и перформансы, вместо идеологии – влияние социальных сетей и т.д. Кто не с нами – тот ретроград, слуга тоталитарной системы, душитель свободы. Едва избавившись от одного рабства, массы попадают в зависимость от нового господина. Вот только господ стало столько, что за всеми не уследишь. Лишь единицы наслаждаются интеллектуальной свободой, большинство же снова в плену тоталитарных установок с разной жесткостью контроля сознания от групп в соцсетях до молодежных субкультур готов и эмо. И еще далее – к тоталитарным сектам и террористическим организациям. «Измы» не только не погибают в новой духовной среде, но, напротив, множатся и растут как грибы после дождя. В качестве одной из причин (наряду с другими) пленения сознания людей новыми тоталитарными установками следует назвать то, что постмодернистский тренд размывает устоявшиеся идеалы, в том числе нравственные. Ведь для нового мышления нет авторитетов ни на Земле, ни на Небе. Соответственно, нет и единственного высшего смысла ни в Нагорной проповеди Христа ни в моральном Кодексе строителя коммунизма. Добро и зло становятся относительными, нравственные догматы воспринимаются как оковы, которые нужно сбросить для окончательного освобождения личности. Неслучайно толерантность к сексуальным меньшинствам, оккультным практикам, к любому инакомыслию провозглашается показателем цивилизованности. Не большинство должно диктовать свою волю остальным, а, напротив, меньшинство должно иметь право на самовыражение и общественное признание. Нет плохих идей, установок и мнений – есть только иное, требующее уважения, сочувствия и признания.

Теперь уже трудно представить массовое сознание как относительно стройную систему идей, взглядов, установок, ценностей, норм, настроений, чувств. Возникает состояние дробности, разрозненности, разобщенности. Лишившись религиозных, а затем и идеологических оснований, культура постепенно утрачивает общие духовные ориентиры. Человек закономерно все более занят удовлетворением телесных потребностей, поиском все новых чувственных наслаждений. Когда нет духовных устремлений, телесное начало приобретает над человеком особую власть. В эпоху стремительно растущего потребления человеческое сознание затуманивается массовой культурой с ее тотальной рекламой, для

которой индивид лишь покупатель товаров и услуг. Мишенями становятся обнаруженные З. Фрейдом уязвимые места в психике человека, некие космические инстинкты, названные великим австрийским психиатром именами греческих богов Эросом и Танатосом. Эротика и секс, картины насилия, описание катастроф, аварий, убийств стали обыденными сюжетами не только в пространстве Интернета, но и на телевидении, в бульварной литературе и т.д. Да и какой же элитарный роман постмодернистского дискурса обойдется сегодня без использования психоаналитической проблематики? Темные стороны человеческой души открывают неограниченные возможности для интерпретаций. Впрочем, граница между светлым и темным столь размыта, что уже трудно определить, где свет, где сумерки, а где тьма.

На борьбе с законодательным Разумом можно стать сегодня популярным. Неслучайно мишенью многочисленных акций становятся такие институты, как церковь и государство. Этот тренд умело используют закулисные режиссеры таких резонансных перформансов, как акции Pussy Riot и движения Фемен. В этом же русле действуют антиглобалисты, активисты Гринпис и пр. Статус важного социального события хулиганским выходкам придают СМИ, которые вовлекают в обсуждение происходящего политиков и артистов, общественных деятелей и обывателей. Никто уже не может оценить, чего в деятельности «свободных» журналистов больше – желания докопаться до истины, отработать социальный заказ, сделать себе имя на освещении «жареных» фактов, повысить рейтинг издательства, не выпасть из информационного тренда, удовлетворить запрос зрителя и читателя или что-то еще. И может ли при этом речь идти об осуществлении функции катарсиса (по Аристотелю) – очищении человеческой души от скверны? Стоит ли такая цель перед авангардным искусством, владельцами издательств, телевизионных и радиоканалов, блогеров и шоуменов? Да и что такое скверна? В духе постмодернизма можно дать сотни, в том числе взаимоисключающих, толкований. От чего очищать, если нет универсальных критериев добра и зла? Остается лишь свобода самовыражения. Но какое содержание стремится выразиться в новых причудливых формах. У неискушенного обывателя, кроме удивления, некоторые произведения искусства ничего другого не вызывают. Чего стоит, например, акция похорон щуки в Александровском саду возле кремлевской стены, предпринятая группой художников под названием «Секция абсолютной любви». Этот пример приводит О. Николаева в своей книге «Современная культура и Православие». Конечно, многочисленные туристы и жители Москвы были удивлены, но толком ничего не поняли. Однако правильно выбранное место и время позволили достичь задуманного – повышенного внимания. Николаева тут же приводит подобный пример перформанса студенческого театра МГУ, который организовал шествие по Никитской с плакатами «Бога нет, потому что мы бессмертны», «Взрежем себе вены, чтобы быть красными» и т.п. Кажущаяся абсурдность содержания вполне в духе постмодерна. И не должно быть единого понимания происходящего. Зато внимание невольных зрителей привлечь удалось. И уже неважно, что каждый из них для себя из этого вынес. И еще один факт, приводимый Олесей Николаевой, на наш взгляд, свидетельствует о возможности существования новой формы диктата – диктата плюрализма. Она описывает случай с писательницей Татьяной Толстой, произошедший в одном из американских колледжей, где она читала лекции по русской литературе. На занятии, посвященном разбору рассказа Леонида Андреева «Иуда Искариот», она предложила ученикам ознакомиться с «первоисточником», то есть с Евангелием. За это ей руководством колледжа было предъявлено обвинение в нарушении принципов политкорректности и был объявлен выговор за ведение «религиозной пропаганды» в светском учебном заведении [4].

Свобода зрителя и читателя в выборе телевизионных каналов, сайтов и групп в социальных сетях, газет и журналов оказывается мнимой при отсутствии привития художественного вкуса, нравственных идеалов, верности традициям. Духовная незрелость масс делает их легкой добычей манипулятивных средств массовой информации, политтехнологов, создателей рекламной продукции и т.д. Человек массы по-прежнему используется как средство для достижения чужих, лично не осознаваемых целей. Он все более начинает походить на манкурта, человека без памяти, описанного Ч. Айтматовым в его произведении «И дольше века длится день». Для такого существа нет ничего значимого. Он слепо выполняет волю своих хозяев-палачей.

Рассмотрим некоторые приемы в технологии создания постмодернистского творения.

– Инсталляции, с помощью которых любой предмет может быть перемещен в самое

неожиданное место. Для ризомы нет линейной организации пространства, любой предмет может иметь связь с чем угодно. Предлагаю читателю почувствовать себя творцом. Поместим вещь в картинную галерею и снабдим надписью с указанием автора и определенного события или другого (желательно известного) произведения искусства – наше творение готово. Например, возьмем кусок обуглившегося дерева. У нас открываются большие возможности для выбора названия. Например, «Тунгусский метеорит», «Байконур», «Последний день Помпеи», «Слава Герострата» и т.д. Все остальное домыслить должен уже зритель. Подберем для нашего шедевра стеклянный колпак и отправим на художественную выставку.

– Пастиш – комбинирование элементов разных произведений, когда порой трудно определить, чего в этом больше – дани творениям прошлого или пародии на них.

– Ирония – в произведении постмодерна можно высмеять что угодно. Причем, чем выше авторитет высмеиваемого текста, тем лучше.

– Двойное кодирование, суть которого наглядно демонстрирует У. Эко: «Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюбленного в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей «люблю тебя безумно», потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива Барбары Картленд. Однако выход есть. Он должен сказать: «По выражению Барбары Картленд – люблю тебя безумно». При этом он избегает деланной простоты и прямо показывает ей, что не имеет возможности говорить по–простому; и, тем не менее, доводит до ее сведения то, что собирался довести» [8].

– Перформанс – действие художника и группы в определенном месте и в определенное время, примеры которого мы уже приводили. В современном авангардном искусстве, в отличие от классического искусства, не стоит искать в перформансе авторский смысл. Зритель вправе сам наполнить содержанием предоставленную ему форму.

– Фабуляция (термин, означающий смесь вымышленного с реальным). В постмодернистском произведении необязательно придерживаться реальных событий, жизнеподобия и подражания, а допустим вымысел как некое «чистое творчество». Не нужны ни традиционная структура произведения, ни прежние представления об авторе, нет ответственности за точность приводимых исторических событий. Напротив, реальное может соседствовать с чистой фантастикой, магическими формулами, мифом и т.д.

– Пойоменон (от др. греч. «ποιούμενον», «создание») – термин, придуманный исследователем Алистером Фаулером для особого типа метапрозы, в которой речь идет о процессе творчества. Пойоменон чаще всего книга о создании книги. Хотя иногда этому посвящена лишь часть текста, тогда читатель должен одновременно следить за сюжетом и усваивать то, как произведение появилось на свет.

– Историческая метапроза – (этот термин используется для обозначения произведений, в которых реальные события и фигуры додумываются и изменяются. Например, в «Мейсоне и Диксоне» Томаса Пинчонае используется этот прием – в книге есть сцена, где Джордж Вашингтон курит марихуану (чего на самом деле не было).

– Временное искажение – важная особенность постмодернистского дискурса. Автор может показать несколько вариантов одного и того же события, существенно различающихся не только в деталях, но и по времени и месту. При этом ни одна из версий не является единственно правильной. Конечно, при этом не стоит читателю или зрителю выискивать мораль произведения. Никакой авторской идеи потребителю не навязывается. Каждый делает для себя выводы сам. Или не делает никаких выводов, что тоже правильно.

– Фрагментация и нелинейное повествование – такое запутывание читателя (кажется, что фрагменты утеряны и многое перепутано) – еще один надежный способ не допустить единого понимания смысла произведения.

Таким образом, постмодернизм, как попытка освобождения от догматизма, универсализма и тоталитаризма позволяет оттачивать технику интерпретирования текстов, получать удовольствие от иронии и сарказма в адрес некогда недоступных для критики идеалов, по-новому самовыражаться группе высокообразованных интеллектуалов. Но, доходя до масс в искаженном, упрощенном, выхолощенном виде, он оказывается надежным средством разрушения прежних духовных устоев, для того чтобы манипулировать сознанием че-

ловека массы. Проделанный путь приводит не к свободе, а к новому рабству. Потому что едва освободившийся из-под влияния традиционных установок и ценностей человек массы становится легкой добычей новых «измов», зачастую куда более опасных. Видимо, таков финал большинства революционных проектов.

1. Барт Р. Нулевая степень письма / пер. Г.К. Косикова [Текст] // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.

2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

3. Деррида, Ж. Диссеминация (La Dissemination) [Текст] / пер. с фр. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 608 с.

4. Николаева О. Современная культура и Православие [Электронный ресурс]. URL: http://www.wco.ru/biblio/books/olesia1/Main.htm (дата обращения: 03.11.2013г.)

5. Парамонов Б. Конец стиля [Текст]. СПб.: Алтея; М.: Аграф, 1997. 462 с.

6. Философия: Энциклопедический словарь [Текст] / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

7. Эко У. Постмодернизм, ирония, занимательность [Текст] // Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. С. 460–461.

8. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» [Текст] // Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. С. 427–467.

9. Lewis, Barry. Postmodernism and Literature // 'The Routledge Companion to Postmodernism. NY: Routledge, 2002, p. 123.

1. Bart R. Nulevaja stepen' pis'ma / per. G.K. Kosikova [Tekst] // Semiotika. M.: Raduga, 1983. S. 306–349 (Russian).

2. Deljoz Zh., Gvattari F. Tysjacha plato. Kapitalizm i shizofrenija / per. s fr. Ja.I. Svirskogo, nauch. red. V.Ju. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktorija; M.: Astrel', 2010. 895 s. (Russian).

3. Derrida, Zh. Disseminacija (La Dissemination) [Tekst] / per. s fr. D. Kralechkina; nauch. red. V. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2007. 608 s. (Russian).

4. Nikolaeva O. Sovremennaja kul'tura i Pravoslavie [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.wco.ru/biblio/books/olesia1/Main.htm (data obrashhenija: 03.11.2013g.) (Russian).

5. Paramonov B. Konec stilja [Tekst]. SPb.: Alteja; M.: Agraf, 1997. 462 s. (Russian).

6. Filosofija: Jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] / pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. 1072 s. (Russian).

7. Jeko U. Postmodernizm, ironija, zanimatel'nost' [Tekst] // Imja rozy. M.: Knizhnaja palata, 1989, S. 460–461 (Russian).

8. Jeko U. Zametki na poljah «Imeni rozy» [Tekst] // Jeko U. Imja rozy. M.: Knizhnaja palata, 1989. S. 427–467 (Russian).

9. Lewis, Barry. Postmodernism and Literature // 'The Routledge Companion to Postmodernism. NY: Routledge, 2002, p. 123 (English).

UDC 124.5

POST-MODERNISM: A PERSONALITY'S EMANCIPATION OR (AND) CULTURAL DEGRADATION?

Lukin Anatoliy Nikolaevich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,
Professor of the Chair of State Management, Legal Groundwork of State and Municipal Service,
Candidate of Culturology,
Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation
The article reveals peculiarities of postmodern discourse. The author analyzes some devices of creating postmodern works. The author shows the influence of postmodern settings on collective consciousness.

Key concepts:
postmodern culture,
collective consciousness.